

Глава 1

Ты станешь бессмертным, а я не останусь в мире смертных, чтобы ждать тебя (часть первая)

Взбалмошный юный господин семьи Чао женился, да ещё и на мужчине!

Вся знать и простой люд провинции Цзиньюнь в один голос изумлялись — что и говорить, это в духе юного господина семьи Чао.

Этот юноша был личностью, о которой в Цзиньюнь ходили легенды. Причина была проста: его абсурдные выходки не поддавались счёту и служили прекрасной темой для пересудов за чашкой чая.

Семья Чао — один из знатнейших родов, что на протяжении столетий правил в провинции Цзиньюнь. Каждое поколение рождало выдающихся людей: гражданские мужи становились канцлерами, а воины — полководцами, что приносили покой государству. Кто бы мог подумать, что в этом поколении появится такое ничтожество, как Чао Цы.

Юный господин от природы был тугодумом. Говорили, что семья Чао наняла для него лучшего наставника, но тот сбежал, не выдержав и трёх дней. Однако родственники не сдавались и за огромные деньги нанимали всё новых и новых учителей. В те месяцы любители сплетен обожали околачиваться у ворот резиденции Чао, ведь в девяти случаях из десяти им удавалось лицезреть очередного наставника, в ярости вылетавшего за двери.

В конце концов, дурная слава разошлась так широко, что ни один учитель больше не соглашался его обучать. И дело было не в том, что все они были нетерпеливы — просто Чао Цы, помимо своей глупости, отличался крайним неуважением к старшим.

Избавившись от наставников, юноша с головой ушёл в свои взбалмошные затеи. На севере и юге главного города Цзиньюнь он открыл по заведению для петушиных и сверчков боёв, куда заглядывал по восемь-десять раз в месяц. Оставшееся время он либо бесчинствовал на улицах, задирая мужчин и приставая к женщинам, либо предавался разврату в весёлых кварталах в компании своих сомнительных дружков.

Младший господин был падок на красоту. Ещё не взяв в дом главную жену, он уже заполнил свой задний двор наложницами всех мастей — стройными и пышными, чарующими и изящными.

Однако несколько дней назад ему взбрело в голову отправиться с компанией дружков-повес на охоту за город. Вернулся он оттуда с тяжелораненым мужчиной, устроив страшный скандал и заявив, что желает взять его в мужья.

Слухи гласили, что красота того мужчины была неземной, словно с девятых небес сошёл

изгнанный небожитель, и не было в мире никого, кто мог бы с ним сравниться. Простые люди, слушая это, только качали головами — трудно было поверить, что подобная красота реальна, но, должно быть, она и впрямь была незаурядной. Иначе с чего бы Чао Цы, пресыщенному всевозможными красавицами, так настаивать на браке именно с этим человеком?

В одиннадцати провинциях Северных земель существовал обычай, позволявший мужчинам вступать в брак, но к нынешнему времени он почти сошёл на нет, особенно среди знати. Этот юноша стал первым за последние сто лет отпрыском благородного семейства в Цзиньюнь, который вознамерился взять себе мужа.

Семья Чао всегда баловала своего младшенького. Поначалу они были против, но сын пустил в ход слёзы, угрозы и шантаж, и не прошло и нескольких дней, как родные сдались.

Более того, по его требованию они немедленно начали масштабные приготовления к свадьбе. Судя по размаху, торжество обещало быть пышным.

Чао Цы и был тем самым взбалмошным юным господином, о котором все толковали. Впрочем, его поведение было вынужденной мерой.

На самом деле он был профессиональным быстро переселяющимся из Главного измерения.

Главное измерение не возникло само по себе — оно было искусственно создано как центральный узел для поддержания стабильности мириад миров.

Большинство его обитателей выполняли различные задания, чтобы сохранить равновесие во вселенной. Конечно, Главная Система раздавала эти миссии ради стабильности, но цели самих переселенцев были самыми разными.

У Чао Цы не было столь высоких идеалов. Он стал переселенцем исключительно из-за высокой зарплаты, отличных льгот и щедрых премий.

Хотя он провёл в Главном измерении уже много лет, по сравнению с ветеранами, жившими там тысячелетиями, он всё ещё считался новичком. Задания для начинающих были лёгкими, но и платили за них немного. Юноша начал скучать, пока однажды случайно не наткнулся на странную категорию миссий.

Вознаграждение было огромным, но желающих их выполнять почти не находилось.

Присмотревшись, Чао Цы понял, что у всех этих заданий была одна общая черта: нужно было стать лизоблюдом для любимца судьбы в каждом из миров. Разумеется, в описании миссии это было сказано не так прямо — юноша лишь обобщил суть.

То, что никто не хотел браться за такую неблагодарную работу, было вполне естественно, но

Чао Цы, увидев это, загорелся. Он словно узрел свой шанс стать первым номером в Главном измерении!

С тех пор он выполнил множество подобных заданий. Все они казались ему до смешного простыми, а премии были высокими.

Миссия в этом мире была одной из таких.

Объектом его «обожания» был Цзинь Яо, великая фигура из Царства богов. Он был богом войны, вышедшим из древних битв, и даже в божественном мире его имя внушало трепет. Говорили, что его истинная форма — чёрный дракон, но, в отличие от сородичей, он был лишён их страсти к плотским утехам и распутству. Напротив, он был от природы холоден и равнодушен ко всему, кроме погони за абсолютной силой.

Такой характер позволил ему взойти на вершину Царства богов, но он же и стал его пределом, мешая дальнейшему росту.

Божества постоянно проходили через различные испытания, что было для них обычным делом. Однажды Цзинь Яо почувствовал приближение своего испытания и обратился к Бессмертному Владыке Сымину за предсказанием. Тот поведал ему о грядущем любовном испытании и посоветовал спуститься в мир смертных.

Цзинь Яо счёл это слишком хлопотным. Бессмертный Владыка Сымин, не смея ему перечить, предложил альтернативу: можно запечатать божественную силу и просто притвориться смертным, чтобы пройти испытание.

Согласно судьбе, спустившись в мир смертных, он должен был стать больным сиротой. Цзинь Яо полностью запечатал свою божественную силу, а затем и большую часть жизненной энергии, оставив лишь малую толику, чтобы поддерживать жизнь, и отправился вниз.

Там-то его и подобрал Чао Цы.

В этом мире юноша должен был играть роль избалованного младшего сына знатного рода. В древнем обществе, где неверность была нормой, его родители были редким примером истинной любви — у отца была лишь одна жена. Мать родила двоих сыновей: его старшего брата и его самого. Когда ему было три года, она скоростижно скончалась от болезни.

Поскольку он с детства был хорош собой, словно куколка, а брат был старше на девять лет, его всегда баловали. После смерти матери отец и брат, жалея малыша, оставшегося без материнской ласки, стали опекать его ещё сильнее.

В итоге они его избаловали окончательно.

К тому времени, как юному господину Чао исполнилось семнадцать, его задний двор был переполнен щебечущими наложницами. Даже его отец был недоволен: главная жена ещё не вошла в дом, а сын уже устроил такой беспорядок.

Но, несмотря на недовольство, совладать с капризным юношей никто не мог. После нескольких безуспешных попыток вразумить его, отец просто махнул на него рукой.

Однажды Чао Цы отправился на охоту. Охотой это можно было назвать с большой натяжкой — скорее, это была прогулка на природу. Он ехал в просторном и удобном экипаже, окружённый тремя кольцами охраны, в сопровождении толпы дружков-повес.

Хотя его приятели, как и он, были завсегдатаями цветочных кварталов, они были куда более способными, чем избалованный бездельник. По крайней мере, они всю дорогу ехали верхом, сами участвовали в охоте, и среди них даже были искусные наездники и лучники. Лишь Чао Цы почти всё время сидел в экипаже, и только когда ему становилось скучно, ненадолго садился на лошадь, но вскоре жаловался на усталость и требовал отдыха.

Именно в один из таких коротких моментов, когда юноша был снаружи, он и заметил белую фигуру, прислонившуюся к дереву.

— Кажется, там впереди кто-то есть, пойдёмте посмотрим! — повернувшись к своим приятелям, сказал Чао Цы.

— Кто бы мог оказаться в такой глуши? Странно, — высокий мужчина в чёрном охотничьем костюме, ехавший рядом, удивлённо приподнял бровь. — Поехали, взглянем.

Этого человека звали Цяо Пэй, и он был самым близким другом Чао Цы из всей их компании.

Группа направилась в ту сторону. По мере приближения они удивлённо переговаривались:

— И правда, человек!

Это был Цзинь Яо, только что забросивший себя в мир смертных.

В этот раз он немного перестарался. Запечатав жизненную силу, он счёл этого недостаточным и нанёс себе удар в плечо. Сейчас его белые одежды были наполовину пропитаны кровью, что выглядело довольно пугающе.

Но когда Чао Цы разглядел его лицо, он замер.

«Чёрт возьми... Неужели на свете может существовать столь прекрасный человек?»

Волосы незнакомца, чёрные, как вороново крыло, были небрежно собраны в высокий пучок. Мечевидные брови устремлялись к вискам, глаза феникса были полуприкрыты, а под высоким носом виднелись тонко очерченные, сжатые губы. Пятна крови на белых одеждах рассыпались, словно лепестки красной сливы, создавая захватывающую дух, трагическую красоту.

ЧАО ЦЫ, верный своему образу ценителя прекрасного, немедленно последовал зову сердца. Его глаза загорелись алчным блеском, но, заметив, что незнакомец тяжело ранен, он тут же изобразил глубокую озабоченность. Поспешно приблизившись, он спросил:

— Сударь, вы в порядке?

Его слова вывели остальных из оцепенения. Все тут же бросили на юношу многозначительные взгляды.

Раньше они считали, что красота ЧАО ЦЫ не имеет себе равных в мире, но кто бы мог подумать, что здесь они встретят того, кто не уступит ему ни в чём.

Воистину, битва богов.

Что касается внешности, ЧАО ЦЫ был безупречен. Его лицо было роскошным и пленительным, с соблазнительными глазами цвета персика, которые, однако, светились кошачьей невинностью. Белоснежная, без единого изъяна кожа делала его алые губы ещё ярче, словно испачканные кровью. Он был воплощением изысканной, почти порочной красоты.

Сам он не придавал значения своей внешности и даже презирал свой, как ему казалось, недостаточно мужественный облик. Он и не подозревал, что многие из его так называемых друзей увивались за ним не только из-за его статуса, но и пленённые его красотой.

А этот незнакомец, хоть и казался слабым и умирающим, излучал ауру, величественную, как горы и моря, и одновременно непостижимую, как бездна... Трудно было описать это чувство, но оно возникло у них в тот самый миг, как они его увидели.

Если ЧАО ЦЫ был подобен роскошной, клонящейся к увяданию бегонии, то этот человек был ослепительным, палящим солнцем, на которое невозможно смотреть прямо.

Видя, что Цзинь Яо не отвечает, один из друзей юноши предположил:

— Боюсь, он слишком тяжело ранен и не может говорить.

— Что же делать? Быстрее, позовите лекаря! — приказал ЧАО ЦЫ своим охранникам.

Отправив одного из стражников за лекарем, юный господин попытался взвалить Цзинь Яо на

спину, чтобы отнести в экипаж. Но с его-то тонкими ручками и ножками он едва не рухнул под весом мужчины. Охранники тут же бросились его поддерживать.

Приятели, наблюдавшие за этой сценой, не удержались от насмешки:

— Брат Чао, красота, конечно, великая сила, но и о своём здоровье забывать не стоит.

Юноша метнул на говорившего гневный взгляд, чем вызвал новый взрыв хохота.

Поднять раненого он не смог, оставалось лишь поддерживать Цзинь Яо, помогая ему добраться до экипажа. Рука Чао Цы легла на талию незнакомца, и он ощутил под пальцами упругие, крепкие мышцы. Кончики его ушей покраснели.

Он не удержался и провёл ладонью по пояснице ещё пару раз.

Движения Цзинь Яо на миг замерли.

От потери крови у него кружилась голова. Он лишь мельком взглянул на своего спасителя.

«Что ж, внешность неплохая, — подумал он. — Губы алые, зубы белые, глаза как цветы персика. Но всего лишь смертный желторотик, да ещё и с повадками распутника».

«И это моё любовное испытание?»

Божественный владыка начал сомневаться в критериях выбора Небесного Дао.

Впрочем, каким на самом деле был этот человек, Цзинь Яо было всё равно. Он не собирался по-настоящему проходить какое-то испытание, а лишь разыгрывал спектакль для Небес.

«Даже лучше, что он оказался пустышкой. Меньше шансов, что я и впрямь попадусь в ловушку судьбы».

Заметив взгляд Цзинь Яо, Чао Цы понял, что его вольность была замечена, и его щёки залил румянец.

Но, замаявшись на мгновение, он всё же не удержался и ещё раз сжал ладонь на чужой талии.

Какие ощущения.

Осознав, что снова лапает его, юноша смущённо отдернул руку. К счастью, они уже добрались

до экипажа.

<http://bllate.org/book/15361/1372892>